

Вступление

Эту историю следовало бы начать с пасмурного осеннего дня 1925 года, когда в Москве попал на операционный стол выдающийся государственный деятель. У него обнаружили язву двенадцатиперстной кишки, консилиум, проведенный лучшими врачами республики, рекомендовал операцию, с чем пациент согласился безоговорочно. Его определили в Солдатенковскую больницу, считавшуюся лучшей в столице. Здесь лечили вождей, поэтому под сводами корпусов, расположенных к северу от центра города, в районе Октябрьского Поля, были собраны виднейшие медицинские кадры.

Ответственным за проведение операции назначили хирурга Розанова. Его кандидатура ни у кого не вызвала сомнений. В прежние годы он успешно удалил аппендицит Сталину и извлек пулю из руки Ленина. Его нынешний пациент чувствовал себя со-

вершено спокойно и заявлял, что решением консилиума полностью удовлетворен. «Вы уж, доктор, покопайтесь во мне, — говорил он Розанову. — Эта проклятая болячка уже много раз давала о себе знать. Сделайте так, чтобы я о ней забыл навсегда».

В один из последних дней октября медицинская бригада в белых халатах обступила лежащего на столе голого человека, чье мужественное лицо с высоким лбом и пышными усами было хорошо знакомо по фотографиям в передовице «Правды» и агитплакатам времен Гражданской войны. Больной ободряюще улыбнулся и сказал, что готов. На его нос и рот накинута сложенная в несколько слоев марлю, на которую анестезиолог начал капать из склянки эфир.

С Розановым в этот момент происходило что-то не совсем объяснимое. Всегда уравновешенный и уверенный в себе, он переминался с ноги на ногу и нервно стискивал в руке скальпель. Лысая макушка, обрамленная валиком редких волос, покрылась испариной. Матерчатая маска скрывала щеки, и никто не видел, как по ним пробегал тик. Однако пожилой анестезиолог, знавший Розанова двадцать лет, заметил неладное и шепотом спросил:

— Владимир Николаевич, порядок?

Его работа требовала оперативности и четкости, поэтому он и речь свою выстраивал предельно скупую, научившись обходиться совсем без глаголов.

— Да! — ответил хирург чересчур резко и взгляделся в осовелые, но по-прежнему открытые глаза пациента. — Почему он не спит? Сколько влили эфига?

Потомственный дворянин, привыкший с детства говорить по-французски, он заметно грассировал.

— Шестьдесят граммов. В три раза больше нормы...

— Лейте еще. Или вот что... Добавьте хлогофогму.

— Сочетание с эфиром — опасность, — заикнулся анестезиолог. — Остановка сердца...

— Делайте, как я сказал! Сегдце у него отменное, дай ,ог каждому.

После ударной порции наркоза больной наконец заснул. Розанов слегка подрагивавшими руками вскрыл брюшную полость.

— А язва-то зарубцевалась! — воскликнула молодая медсестричка, заглянув в кровавую дыру. — Зря только резали. Будем зашивать?

— Ни в коем случае. — Розанов хищно вонзил скальпель в сочащуюся плоть. — Пговегим заодно желудок, печень, слепую кишку...

— Сердечная деятельность слабеет! — с тревогой заметила медсестра, державшая на груди пациента щупальце стетоскопа.

— Выдегжит... Опегигуем дальше!

Ассистенты переглянулись. Испарина на лысине научного светила превратилась в крупные капли

пота, они стекали на брови, заливали глаза. Стекла очков покрылись туманной поволокой. Склонившийся над неподвижным телом хирург походил на одержимого, который механически выполняет действия, не очень-то осознавая, что именно он творит.

Через час с небольшим пациента с изрезанными внутренними органами заштопали, а сутки спустя он скончался от сердечного паралича.

Впрочем, брать это событие за точку отсчета будет с нашей стороны некорректно, ибо тремя месяцами ранее свершилась еще одна трагедия, так же мало поддающаяся логическому обоснованию, как и случай в Солдатенковской больнице.

Легендарный военачальник, кавалерист-рубака, отдыхал от ратных дел на берегу Черного моря, в небольшом поселке Чабанка, в тридцати километрах от Одессы. Утомленный шумихой вокруг своей персоны, он мечтал пожить на юге тайно, но о его приезде мигом узнали местные, и с тех пор отбоя не было от посетителей, желавших лично засвидетельствовать почтение герою. Так пролетел отпуск, настала пора возвращаться в Москву. В последний вечер его пригласили выступить в пионерском лагере, где он в сотый, если не в тысячный раз рассказывал, как крошил в капусту банду атамана Антонова. А после, уже почти ночью, красные командиры, квартировавшие неподалеку, решили устроить торжественные проводы. Он пошел с неохотой: ему надоели бесконечные

чувствования, льстивые речи и однообразные то-сты. Жена уже собрала чемоданы, подготовившись к утреннему отъезду.

Проводы не задались. Звенели стаканы, звучали здравицы, а виновник торжества сидел, свесив большую, тщательно обритую и блестящую, как бильярдный шар, голову, ко всему безучастный и молчаливый. Так прошло три часа. Он поднялся, скупно поблагодарил за ужин, попросил жену уложить маленького сына, а сам задержался еще на несколько минут, чтобы переговорить с кем-то из нужных людей. Окончив разговор, он направился к дому, в котором остановился с семьей на время отпуска. Из-за темноты, смолистой и почти непроглядной, как всегда бывает летними южными ночами, он не видел, что за ним крадется человек с «наганом». На небосклоне мерцали только крошечные звезды — отблески далеких, никому не ведомых миров.

На углу главного корпуса, в котором размещалось большинство отдыхающих, прославленный полководец замедлил шаг — ему захотелось подышать ночной прохладой. Чтобы не сбиться с дороги и не натолкнуться на препятствие, он зажег спичку и осветил ею пространство подле себя.

Тут его и настиг убийца. Первая же пуля разорвала аорту, и герой погиб на месте. На выстрелы прибежали курортники, примчалась расхристанная жена. Она схватила запястье мужа — пульс не бился.

Окровавленный труп перенесли на веранду, уложили на дощатый настил. Зажгли все светильники, какие попались под руку, кто-то протелефонировал в одесскую милицию. Пока жена рыдала над убитым, все гадали, кто мог совершить это святотатство, покушаться на всенародного любимца, которому толпа истступленно аплодировала, куда бы он ни приезжал.

Терзаться догадками пришлось недолго. На веранду вбежал мужчина в полувоенной форме со щетинистым лицом, похожим на обезьянью морду. Это был начальник охраны сахарного завода, в округе его хорошо знали. Он упал на колени и истерично взвыл:

— Это я убил командира!

Новоиспеченная вдова, пребывавшая в состоянии шока, назвала его мерзавцем и прогнала вон. На рассвете он явился вторично и без сопротивления сдался прибывшим из Одессы милиционерам.

Несмотря на то что подозреваемый сразу признал вину, разбирательство забуксовало. Следователей интересовала причина, по которой щетинистый охранник расстрелял краскома, с которым дружил более шести лет. В войну он прятал командира от беляков у себя на чердаке, а тот в знак благодарности помог ему получить нынешнюю должность. Между ними не существовало и не могло быть никаких распрей.

Убийца и сам недоумевал по поводу содеянного. В ходе следствия он трижды менял показания: сна-

чала утверждал, что взялся за револьвер из ревности, потом рассказывал, что мотивом стало недовольство низким служебным положением, которое влиятельный друг отказался улучшить. В конце концов обвиняемый развел руками и сознался, что действовал в силу некоего умопомешательства, не отдавая себе отчета.

Но стоп! На самом деле наша история началась гораздо раньше и дальше от обжитых районов страны. В марте 1917 года на Северном Урале, неподалеку от истока Печоры, из бревенчатой избушки, затерянной в бескрайней тайге, вышел ненец в меховой малице с низко нахлобученным лохматым колпаком. В эти труднодоступные края, куда добраться можно было разве что на оленях, еще не дошла весть о крушении царской власти. Не наступила и весна. Деревья дремали, укрытые пушистыми снеговыми покрывалами. Лишь пронизывающие лес солнечные лучи — не дающие тепла, но уже обнадеживающе яркие — свидетельствовали о том, что зима со дня на день сдаст позиции.

Ненец спустился к реке, топором проломил корку льда, наросшую на проверченной с вечера лунке, и за каких-нибудь пару часов наловил столько рыбы, что ее хватило бы на суточный прокорм геологической партии из десяти человек. Ему не надо было так много, но азарт рыбака не позволил остановиться вовремя. Да и не было беды в лишнем улове. Морозы спадут

не скоро, неделю-две добыча прекрасно сохранится, если ее развесить на столбах, врытых возле жилья.

Довольный собой, ненец возвращался к избе и еще издали закричал, воздев над головой метровую рыбину:

— Эй! Никора! Смотри, какая семга ловил Пырерко! И ряпушки три раза по пять! — Он горделиво вскинул второй рукой проволочный кукан с нанизанными на него и уже успевшими заиндеветь рыбешками помельче. — Богатый ужин сегодня!

Тот, к кому обращался добытчик, не откликнулся. Зато из избы стремглав вылетел белый кудлатый пес. Два года назад ненец спас его в лесу от медведя, принес домой израненного и целый месяц кормил с помощью самодельной соски. Выходил, вернул к жизни. Пес сделался самым верным его товарищем и не раз доказывал свою преданность на охоте, когда доводилось отбиваться от хищников. Теперь он несся навстречу, явно соскучившись за те часы, что хозяин провел на рыбалке.

— Молодец! — засмеялся ненец, открепил от кукана жирную ряпушку и бросил на снег. — Держи, это тебе.

Но пес промчался мимо гостинца и, подпрыгнув на манер каучукового мяча, вцепился клыками в горло своего благодетеля.

Ненец подобного не ожидал, не успел среагировать и, сбитый с ног, повалился навзничь в сугробы-

ну. Семга и кукан с ряпушками выпали из его пальцев. Он попытался схватить обезумевшего пса за шею, но тот уже вгрызся в кадык, и оттуда прыснул багровый фонтанчик. Ненец захрипел, задергался, взбил пятками колкое искристое просо, которым был усеян очищенный от леса пяточок перед избой, и затих.

Расправившись с тем, кто был ему дороже всех на свете, пес поджал хвост и потрусил к нависшей над Печорой горушке. Вскарabкаться на бесформенное нагромождение камней без должной сноровки было нелегко, но пес не раз проделывал этот путь и через минуту уже стоял на вершине. Ветерок шевелил вздыбленную шерсть. Пес смотрел вдаль, глаза его слезились, но не от раскаяния или осознания жуткости только что совершенного поступка, а просто от солнечного света. Взгляд животного был, скорее, веселым, в нем сквозила шальная бесшабашность.

Потоптавшись на краю скального выступа, пес разбежался, насколько позволяла неширокая площадка, и ринулся в пронизанный холодом простор. Раскинул в стороны лапы и на какой-то миг вообразил себя птицей, взмывающей к небу. Но полет тут же сменился беспорядочным падением. Пес раза три перекувырнулся, с высоты шлепнулся на лед и застыл мохнатым комом, на который стали медленно сеяться из-под лазоревых облаков ласковые снежинки.

Глава I,

в которой повествуется об обитателе
палаты № 18 и его ночном госте

Психоневрологическая клиника Московского университета в Хамовниках была хорошо известна еще в дореволюционной России. Построенная в конце девятнадцатого века на деньги вдовы купца Морозова, страдавшего душевным недугом, она считалась одной из лучших не только в стране, но и в Европе. Здесь отказались от смиренных рубашек и карцеров для буйнопомешанных и практиковали прогрессивные методы лечения. Курсы психотерапии были платными, поэтому попадали сюда в основном избранные: живописец Врубель, основатель народного хора Пятницкий и даже первый чемпион мира по шахматам Стейниц, у которого случилось обострение нервной болезни во время проходившего в Москве матча-реванша.

После революции клинику возглавил заслуженный психиатр Ганнушкин, который продолжал сле-

довать устоявшимся традициям. Методы были все такими же прогрессивными, отношение к постояльцам гуманным, а плата за их содержание и обслуживание столь высокой, что ее могли позволить себе лишь представители нарождавшейся советской элиты.

Во второй половине декабря 1925 года в этом привилегированном заведении появился еще один клиент. Он не принадлежал к элите, его имя не гремело по всей стране, он не купался в лучах народной любви. Напротив, перед тем как перевести в клинику Ганнушкина, его три недели держали в Лефортовской тюрьме как подозреваемого в государственном преступлении. В каких конкретно прегрешениях он оказался замешан, знал узкий круг лиц, приближенных к руководству Объединенного политического управления. Следствие длилось с конца ноября, а между тем состояние здоровья узника постепенно ухудшалось. От него поступали жалобы на головную боль и галлюцинации, конвойные докладывали начальству, что он часто бормочет во сне какую-то абракадабру, а однажды, когда ему принесли тюремный обед, он выплеснул брюквенную похлебку в нужник с фекалиями и принялся бегать по камере, стуча ложкой в дно железной миски, как в шаманский бубен.

Это было все, что рассказал Ганнушкину руководитель Специального отдела ОГПУ Глеб Иванович